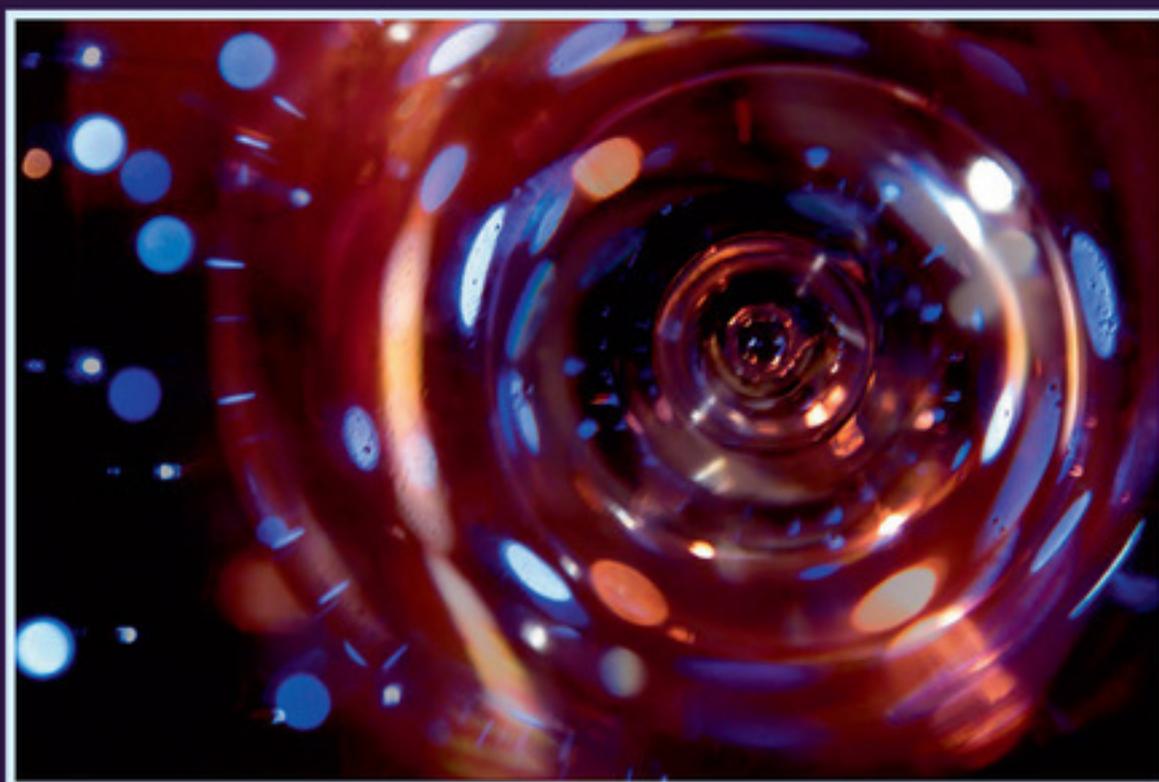

*Университетское
Образование*

ПСИХОАНАЛИЗ

**Введение в психологию
бессознательных процессов**

Петер Куттер, Томас Мюллер

Университетское психологическое образование

Томас Мюллер

**Психоанализ. Введение
в психологию
бессознательных процессов**

«Когито-Центр»

2008

Мюллер Т.

Психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов / Т. Мюллер — «Когито-Центр», 2008 — (Университетское психологическое образование)

В книге представлены не только выдержавшие испытание временем традиционные взгляды на основы психоанализа, но и новые, возникшие за последние годы. Рассмотрены все разделы психоанализа, изложена его увлекательная история, определено его положение в ряду наук, затронута проблема развития, в том числе результаты наблюдений за младенцами, теория символизации, учение о сновидениях, теория болезней, а также дан обзор разнообразных прикладных исследований на базе психоанализа. При этом не только подчеркиваются достоинства и успехи современного психоаналитического метода, но и отдается должное ограничениям, с которыми связана реальная психотерапевтическая работа. Книга может быть использована как учебное пособие для начинающих психоаналитиков, а также как руководство для практикующих специалистов.

Содержание

Предисловие	6
Что такое психология бессознательных процессов?	8
I. Психоанализ – теория конфликтов	9
1. Повседневные конфликты	9
2. Конфликты в зеркале литературы	10
3. Конфликты в зеркале кино	11
II. Захватывающая история психоанализа	14
1. Корни психоанализа в естественных науках, литературе и философии	14
1.1. Предшественники	14
1.2. Естественно-научные основания	15
1.3. Герменевтические основания	15
2. Основатели психоанализа	17
2.1. Фрейд и Абрахам	17
Фрейд – основатель психоанализа	17
Карл Абрахам у истоков психоанализа	18
3. Отступники	19
3.1. Альфред Адлер	19
3.2. Вильгельм Штекель	19
3.3. К. Г. Юнг	19
4. Смена акцентов	21
4.1. Психология Я и учение о защите	21
4.2. Шандор Ференци, Микаэл Балинт и Будапештская школа	21
4.3. Эрик Х. Эриксон и теория идентичности	22
4.4. Рене А. Шпиц и ранние отношения «мать – дитя»	23
4.5. Рональд Фэрберн: подлинная альтернатива теории влечений	23
4.6. Маргарет С. Малер: психологическое рождение	24
4.7. Эдит Якобсон: самость и значимые другие	26
5. Современные направления	27
5.1. Актуальность теории Мелани Кляйн	27
5.2. Теория Уилфреда Р. Биона: не менее актуальная	28
5.3. Дональд Винникотт: третья группа психоаналитиков наряду с Зигмундом Фрейдом и группой Кляйн – Бион	30
5.4. Хайнц Кохут и психология самости – четвертый путь наряду с подходами Зигмунда Фрейда, Кляйн и Биона, а также Винникотта	31
5.5. Интерсубъективизм и психоанализ отношений – возможность синтеза?	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Петер Куттер, Томас Мюллер
Психоанализ. Введение в психологию
бессознательных процессов

Издание этой книги осуществлено при финансовой поддержке Немецкого культурного центра им. Гёте.

© Когито-Центр, 2011

© Klett-Cotta – J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, Stuttgart, 2008

Предисловие

С момента провозглашения Фрейдом учения о психоанализе прошло уже более 100 лет, и в течение всего этого времени ему приходилось выдерживать многочисленные нападки и обвинения: он-де и разрушает мораль, и ненаучен, и противоречит представлению о человеке: «Благородный человек милосерден и добр»¹. В период студенческого движения² психоанализ пережил небывалый подъем, связанный с ожиданиями, что с его помощью и с помощью учения Маркса можно изменить людей и создать новое, лучшее общество. Хотя эти ожидания оказались иллюзией, общество уже не могло игнорировать психоанализ. Психоаналитиков стали приглашать на работу на кафедры медицины, психологии, социологии и педагогики. С момента введения в ФРГ в 1967 г. «Директив по психотерапии» невротические расстройства были признаны в страховом праве болезнью, а их лечение стало оплачиваться больничными страховыми кассами. С 1998 г. система больничных страховых касс оплачивает не только лечение, проводимое психотерапевтами-медиками, но и психотерапевтами с психологическим образованием.

За последние два десятилетия психоанализ утратил свои позиции, причем как в университетах, так и среди широких кругов общественности. Конкуренцию ему составили такие психологические методы, как поведенческая терапия, успешность которой подтверждена статистически. В настоящее время психоаналитические профессиональные ассоциации борются за свое научное признание. С некоторым запозданием были начаты эмпирические исследования, эффективность которых уже подтвердили соответствующие научные коллегии.

Кроме того, поступают новые неожиданные подтверждения эффективности психоанализа. Во-первых, эпидемиологические исследования неблагоприятного детского опыта (Adverse Childhood Experiences, ACE) подтвердили аксиому психоанализа о том, что опыт травматических детских переживаний приводит к физическим и психическим заболеваниям (Felitti et al., 2007); во-вторых, эффективность психоанализа подтверждается современными исследованиями мозга (например, работами таких ученых, как Геральд Хютер, Герхард Рот, Вольф Зингер, Манфред Шпитцер). С помощью современных визуализирующих технологий подтверждается то, что Фрейд установил еще 100 лет назад, а именно: человек не свободен в своих решениях, из всей совокупности мотивов, участвующих в принятии решений, многие вообще не достигают сознания, а чаще всего конкурируют сразу несколько бессознательных переменных, хотя современные ученые, проводя такие исследования, не проявляют должного уважения к психоанализу.

Психоанализ свидетельствует о том, что наша жизнь – это череда конфликтов, которые нам приходится решать. Эта психоаналитическая теория конфликтов продолжает оставаться неотъемлемой составной частью психоаналитического подхода. То, что выстояло, как скала в шуме прибоя, остается неизменным. В этом отношении наша книга следует проверенной традиции. А те положения психоаналитической теории, которые не выдержали проверки временем, можно сказать, если перефразировать слова Гегеля, упраздняются и отрицаются или поднимаются на более высокий уровень и развиваются. Этим разнообразным современным усовершенствованиям психоанализа, осуществленным за два последних десятилетия, в данной книге уделено особое внимание.

Здесь представлен современный психоанализ. Психоанализ в настоящее время охватывает много различных направлений: фрейдисты, кляйнианцы, группа независимых психоаналитиков. Они формируют главные направления психоанализа. Кроме них, частично внутри этого большого течения, частично вне его «удерживаются на плаву» субъективистско-интер-

¹ Слова И. В. Гёте. – *Прим. ред.*

² В Германии в 1960-е годы. – *Прим. ред.*

персональные направления и психоаналитическая психология самости. На фоне уважительного отношения к существующим разногласиям в последнее время вновь отмечается конвергенция различных психоаналитических школ, что не может не радовать. Учитывая все это, настоящая книга отражает реальную ситуацию, сложившуюся в современном психоанализе.

Подзаголовок данной книги – «Введение в психологию бессознательных процессов». Что значит «введение»? Это должно настроить читателей на работу, пробудить любопытство. Но авторы считают, что нынешние читатели предъявляют высокие требования к научной обоснованности, актуальности и широте взглядов. Надеемся, что мы добились поставленной цели – представить столь же легко читаемый, сколь и научно обоснованный полный и актуальный обзор психоанализа с некоторыми теоретическими акцентами. Эта книга не вступает в конкуренцию ни с учебником по психоаналитической терапии Томэ и Кэхеле (Thomä & Kächele, 2006), ни с предложенным Вольфгангом Лохом «Психоаналитическим учением о болезнях» (Loch, 1999), ни с «Общим психоаналитическим учением о болезнях» Райнера Краузе (Krause, 1997–1998), ни с «Общим психоаналитическим учением о неврозах, психосоматике и социальной психологии» Зигфрида Цепфа (Zerf, 2006b); ее конкурентами являются, скорее, вводные книги Вольфганга Мертенса или Карла Кёнига.

Что такое психология бессознательных процессов?

Бессознательное (в отличие от данных академической психологии, полученных с помощью тестов и анкет) невозможно непосредственно наблюдать или измерять. Выводы о бессознательном делаются косвенно, по речевым высказываниям, с помощью специфических методов психоанализа. Такие философы, как Ницше и Шопенгауэр, а также многие поэты уже давно говорили о существовании скрытых внутренних явлений, влияющих на мышление, чувства и поведение людей. Но только Зигмунд Фрейд систематически исследовал этот бессознательный мир, интерпретируя сновидения и неустанно стараясь выявлять скрытые причины необъяснимых с органической точки зрения, зачастую причудливых симптомов своих пациентов; он создал новое учение – глубинную психологию, или психологию бессознательных процессов. Кстати, под бессознательными процессами мы имеем в виду закономерные явления, происходящие как в человеке (интрапсихические), так и между людьми (интерперсональные), типичные при нормальном развитии и атипичные при психических заболеваниях. В рамках психоаналитического лечения об этих бессознательных процессах догадываются, их понимают и истолковывают как латентное содержание, скрывающееся за речевыми высказываниями.

В книге отражены основные положения, составляющие саму суть психоанализа: его увлекательная история, включая завершение усилиями Жана Лапланша великого перелома в психоанализе; его положение среди других наук; психология развития, обогащенная результатами исследований младенцев; теория привязанности; исследование аффектов; учение о «ментализации»³, созданное Питером Фонаги и его сотрудниками. После краткой главы, посвященной учению о сновидениях, излагается учение о болезнях с общим и частным учением о неврозах, расширенное за счет дифференцированного представления расстройств личности, пограничных расстройств, психосоматических болезней, зависимостей, делинквентности и перверсий. Особенно подробно рассматриваются психозы. Наряду с идеалом – классическим психоанализом с высокой частотой сеансов, подробно обсуждаются и другие применения психоанализа в повседневной практике: психотерапия, краткосрочная терапия, групповая и семейная терапия. Завершают этот том ссылки на нейробиологию и эмпирические исследования.

Почва для данной работы была подготовлена книгой «Современный психоанализ» Петера Куттера, вышедшей третьим изданием в 2000 г. Но теперь перед читателем совершенно новая книга, написанная уже двумя авторами – пожилым и более молодым, которая по своей общей концепции построена так, чтобы читатели, в зависимости от их интересов, могли начать читать ее с любой главы.

Первичный импульс к написанию этой новой книги исходил от издательства «Клетт-Котта». Оба автора быстро сдружились, конструктивно дополняя друг друга. Что касается сотрудничества с редакционной коллегией и производственным отделом издательства, то лучшего и пожелать невозможно. Благодарим Урсулу Куттер за стилистическую правку, Петру Хаммер за ее неоценимую помощь в составлении списка цитируемых авторов, а Хельгу Хаазе за тщательную проверку всего текста, рисунков и таблиц.

В заключение еще одно уточнение: когда авторы пишут «читатель», «пациент» или «психоаналитик» (употребляя существительные мужского рода), то это делается лишь по стилистическим соображениям и с учетом ограниченного объема книги. Эти формулировки следует понимать как обобщающее родовое понятие, относящееся к представителям обоих полов.

³ В психологии и психоанализе под ментализацией понимается способность к интерпретации своего собственного поведения и поведения других людей посредством приписывания им психических состояний. Концепция ментализации опирается на исследования модели сознания, созданной Питером Фонаги и Мари Таргет. Ментализация – понимание природы психического, того, что реальность только представлена (отображена) в психике, не соответствуя ей в точности. Способность к ментализации оказывается полностью сформированной на четвертом году жизни. – *Прим. пер.*

I. Психоанализ – теория конфликтов

Жизнь – это череда конфликтов, требующих разрешения.

1. Повседневные конфликты

Каждый из опыта своей жизни знает, как больно быть аутсайдером в какой-либо группе, когда тебя обходят и отвергают. Не меньшую боль причиняет предательство партнера, когда он предпочитает кого-то другого или расстается с вами навсегда. Если такой тяжелый опыт накапливается, хороший совет дорогого стоит. Первой реакцией обычно бывает попытка обратиться за советом к другу, который, скорее всего, скажет, что с ним когда-то случилось то же самое. Иногда обращаются и к профессиональному «помощнику», который, если он ориентирован на психоанализ, может понять и объяснить постоянно возникающие проблемы с помощью психоаналитической теории. Но чаще люди по традиции обращаются за консультацией к врачу, который после проведения тщательных лабораторных исследований порой действительно ставит достоверный диагноз.

Тем самым душевная боль, сопровождающая человеческое существование и составляющая природу человека (*conditio humana*), возведена в ранг признаваемой медициной болезни, а человеку, которому поставлен такой диагноз, отведена роль признанного медициной больного. У психоанализа другая цель: дать информацию о происходящих в нас бессознательных процессах, довести их до уровня сознания, поскольку иначе мы гораздо дольше испытываем страдания, заикливаемся на неизбежных конфликтах, пребываем в экзистенциальной тревоге, страхах и ограниченности. Понимая это, мы сможем избежать традиционного, медицинского подхода к повседневным душевным страданиям, на который так легко скатиться. Современная медицина очень легко находит подходящий диагноз для наших страхов и психических проблем, некий ярлык, который призван защитить нас от осознания мучительной правды, вводя нас в заблуждение относительно самих себя.

Что же касается литературы – больших драм и романов, то она открыто говорит об этих наших бедах.

2. Конфликты в зеркале литературы

Трагедии в западной литературе, например в «Одиссее» Гомера, и восточная мудрость в назидательных произведениях стран Ближнего и Дальнего Востока показывают, что человеческая жизнь всегда неразрывно связана с болью и страданием. Очень четко это показано в трагедиях Софокла «Царь Эдип», «Эдип в Колоне» и «Антигона». Обработка древнегреческих мифов Эсхилом, например, в трилогии «Орестея» не уступает трагедиям Софокла. В них рассматриваются такие темы, как горе, скорбь, проклятие и гибель. Речь идет о смерти и убийстве, о мести, вине и страхе перед наказанием со стороны эвменид. Об актуальности этих трагедий свидетельствует тот огромный резонанс, который по-прежнему вызывают современные постановки «Орестей» Петером Штайном и «Медеи» Хансом Нойенфельсом. Еще одно свидетельство власти бессознательных процессов – образ Пентесилеи в постановке драмы Генриха фон Клейста «Пентесилея», осуществленной Хансом Юргеном Зибербергом и Эдит Клевер.

Современная просвещенная публика вряд ли проявляла бы к этим произведениям такой большой интерес, если бы в них не рассматривался трагический материал общечеловеческих жизненных проблем. Невозможно представить себе классическую литературу без изображения постоянно повторяющихся проблем и конфликтов, связанных с любовью, страданием, ревностью, смертью, ненавистью, местью и завистью. Драмы Шекспира показывают трагичность судеб великих правящих династий, любовные страдания и услады, а также живость ума и юмор, присущие обычным людям. Великие немецкие романы, от «Парсифаля» Вольфрама фон Эшенбаха до «Будденброков» Томаса Манна и «Игры в бисер» Германа Гессе, рассказывают о беспорядке и ранних страданиях⁴, о трагических жизненных коллизиях и о том, как с ними справиться. Неизведанные глубины человеческой души представлены в романах Достоевского столь же захватывающе, как и в произведениях Льва Толстого.

В литературе последних лет, в романах Генриха Бёлля, в произведениях Элиаса Канетти, Макса Фриша, а также в книгах Джеймса Джойса, Генри Миллера и Милана Кундеры, в рассказах Петера Хандке, Бодо Кирхгофа, Бото Штрауса и Мартина Вальзера мы находим достаточно материала, чтобы узнать самих себя с нашими повседневными, такими человеческими проблемами.

⁴ «Непорядок и раннее горе» – название новеллы Томаса Манна, написанной в 1925 г. и опубликованной в 1926 г. – *Прим. ред.*

3. Конфликты в зеркале кино

То же самое мы испытываем при просмотре современных фильмов. Хотелось бы обратить особое внимание на киноленты рано умершего Райнера Вернера Фасбиндера. В них тонко и пронизательно показаны неизведанные глубины человеческой души. Некоторые режиссеры, например Луис Буньюэль, целенаправленно занимаются психологией бессознательного, царством, расположенным между фантазией и реальностью. Здесь следует также упомянуть фильм Вима Вендерса и Петера Хандке «Небо над Берлином», а также и Вуди Аллена, который в своих фильмах всегда находит в человеческих слабостях веселые нотки.

В фильме Буньюэля «Дневная красавица» мы становимся свидетелями того, как молодая женщина, не получающая удовлетворения от жизни со своим вечно занятым мужем, в результате ряда случайных обстоятельств преодолевает привитое воспитанием стеснение и учится наслаждаться сексуальностью, которую она раньше вытесняла и подавляла. В истории немного кино есть подобный пример – известный фильм «Тайна одной души» режиссера Георга Вильгельма Пабста, которого консультировали лично Карл Абрахам и Ханс Закс. В этом фильме речь идет непосредственно об эдиповом комплексе, столь важном для психоанализа, – страхе мужчины перед женщиной, зависимости от матери и ревности к сопернику. В эдипальном треугольнике мы находим такие «закономерности»:

- 1) отношения с одним из значимых лиц, преисполненные любви;
- 2) ревность, когда эти нежные отношения оказываются под угрозой из-за появления третьего лица;
- 3) отношения с соперником, полные ненависти, которая может усиливаться вплоть до пожелания ему смерти.

Пазолини в фильме «Царь Эдип» облек эдипальный драматизм, в классическом виде выраженный в трагедиях Софокла, в современную форму, предназначенную для нынешней взыскательной публики. Роль Иокасты исполняет Сильвана Маньяно, а Эдипа играет Франко Читти. В этом фильме современность и классическое прошлое взаимно дополняют друг друга: «Ты здесь, чтобы занять мое место. Но вначале ты отнимешь у меня ее, жену, которую я люблю», – говорит мужчина, глядя на своего только что родившегося ребенка, лежащего в колыбели.

В греческой трагедии пастух хватает брошенного в лесу царского сына за ноги и туго связывает их, так что действительно исполняется то, что и означает имя «Эдип»⁵ – отекающие ноги. В следующей сцене коринфский царь Полиб и его жена Мeroпа, у которых не было детей и которые мечтали о потомстве, берут на воспитание найденного пастухом ребенка. Когда, став подростком, он слышит от своего подвыпившего приятеля: «Ты не сын этого отца и этой матери», – его одолевают сомнения, но он не может поверить ему. Поэтому он испытывает панический страх, когда дельфийский оракул предсказывает ему, что он убьет своего отца и женится на своей матери. Эдип прощается с ними, чтобы избежать предсказанной ему судьбы, чем лишь ускоряет исполнение пророчества, не представляя истинного положения дел. Считая, что он сын Полиба и Меропы из Коринфа, Эдип покидает Коринф и отправляется в Фивы. В одной из впечатляющих сцен Эдип намеренно кружится на месте, чтобы запутать судьбу и избежать суровых предсказаний оракула. Потом Эдип встречает какого-то величественного вида человека, с высоко поднятой головой восседающего в запряженной лошадьми колеснице. А так как Эдип не уступает дорогу, этот человек, требуя уважения к себе, угрожает ему: «Если ты не уступишь дорогу, я велю применить силу». Тут Эдип издает душераздирающий крик и убегает. Возницы преследуют его. Рассвирепевший Эдип убивает их одного за другим, затем

⁵ Латинская пословица «Nomen est omen», т. е. «Имя – знамение», «Имя говорит само за себя». – *Прим. ред.*

бежит назад, насмехается над сидящим в колеснице стариком и, в конце концов, в состоянии аффекта убивает его.

В это время в Фивах свирепствует чума, с которой никто не может справиться. Сфинкс – чудовище, получеловек-полуживотное, наделенное, тем не менее, божественными качествами, – говорит: «Пропать, которая разверзнется пред тобой, – в тебе самом». Никто не знает, почему несчастье обрушилось на целый город. Креонт (брат Иокасты) обратился за разъяснением к дельфийскому оракулу, а тот говорит: «В этом городе живет мужчина, на совети которого много пролитой крови, причем одна из жертв – Лай». А прорицатель Тиресий добавляет: «Если захочешь, ты все узнаешь». Эдип, еще не зная, что в своем неведении сам совершил это преступление, желает отомстить убийце. На это прорицатель говорит ему: «Не надо тебе познавать свою сущность, ты можешь не вынести этого». Эдип считает, что должен узнать от Тиресия, кто преступник. Иокаста улыбается, а Тиресий продолжает: «Я вижу вещи в истинном свете. От несчастья, обрушившегося на город, спасение только в тебе. В тебе говорит страх. Родители – твоя погибель. Ты чужак, хотя рожден здесь. Сын оказывается братом, а жена – матерью, так решили боги». Иокаста говорит Тиресию: «Все это ложь. Не дано человеку видеть будущее». Потом Эдип: «Знать это – ужасно, я знаю уже слишком много», – в это время Иокаста упорствует: «Я не хочу этого слышать. Лучше этого не знать». Затем раб признается: «Было бы гораздо лучше, если бы ребенок тогда умер. Я должен был его выбросить. Он из рода Лая. Иокаста отдала мне этого ребенка, чтобы я его убил».

Вот так и открывается правда. В результате Иокаста повесилась, а Эдип выколол себе глаза: «Я не могу видеть мир. Глаза, которые не смогли увидеть истину, явно слепы, теперь свет может только ослеплять меня. Я виновен и все же невиновен, так как не ведал, не осознавал, что творил».

Заканчивается действие фильма в наши дни: идет современный Эдип в сопровождении мужчины по имени Анджело, играющего на флейте. И с нами снова и снова происходит одно и то же, нас постигает одно и то же несчастье; каждый из нас, и мужчина, и женщина, – это Эдип, когда отношения завязываются из лучших побуждений, а заканчиваются плохо.

Судьба Эдипа касается всех нас. Мы тоже, несмотря на просвещение XIX и XX вв., зачастую не ведаем, что творим, не знаем, какими мотивами руководствуемся. Мы думаем, что можем избежать несчастья, и все-таки притягиваем его. Несчастье заразительно. Как и Эдип, мы не знаем, по какой дороге идем и кто те люди, с которыми мы встречаемся. Многие фразы из фильма Пазолини могут стать значимыми для нас: «Важно все... По одному факту можно сделать вывод о другом... Я заставил себя забыть... Учись видеть, тогда многое откроется тебе... Преисполненные предчувствий, мы ничего не подозреваем, преисполненные вины, мы невиновны, – такова прихоть богов».

Мы разрываемся между желанием знать правду (даже если это будет трудно выдержать) и своим страхом узнать эту правду. Слепота физических («внешних») глаз открывает Эдипу внутреннее прозрение и понимание, которого многие боятся как проклятия; не случайно у психоанализа все еще так много врагов.

К концу этой главы мы приходим к выводу, что поэты, драматурги и писатели знали многое из того, что позднее открыл и систематизировал психоанализ. И наоборот, психоанализ оказал огромное влияние на литературу. Вспомним хотя бы Томаса Манна, Германа Гессе, Джеймса Джойса, Т. Элиота и Д. Лоуренса, а в изобразительном искусстве – Дали, Пикассо, Макса Эрнста и др. В настоящее время психоанализ заново открыл для себя кино. Во многих городах психоаналитики комментируют показы современных фильмов. Причем публика проявляет живой интерес к интерпретациям, которые дают психоаналитики. С помощью психологических экспериментов, опросников и тестов невозможно выявить человеческие (слишком человеческие) конфликты и страдания. Поэтому пусть свидетельства нашей западной культуры говорят сами за себя. Они согласуются с психоаналитической теорией и методами психоана-

лиза. Этой вводной беседой мы хотели бы пробудить интерес читателя к тому, что его ожидает в следующих главах данной книги.

II. Захватывающая история психоанализа

Личности, а не принципы двигают время.
Оскар Уайльд

1. Корни психоанализа в естественных науках, литературе и философии

1.1. Предшественники

Изложение психоанализа и истории его развития мы начнем, обратившись к метафоре древа познания. Ствол символизирует научные труды Зигмунда Фрейда, а его корни уходят в Вену 1890-х годов. Сами корни берут начало в естественных науках, философии и поэзии. Они питают ствол (научные труды Зигмунда Фрейда) и все его многочисленные ветви. Здесь следует назвать эволюционное учение Дарвина и биогенетический закон Геккеля, которые оказали огромное влияние на Фрейда еще когда он учился в школе. Еще один корень уходит в Венский физиологический институт, которым руководил профессор Эрнст Брюкке; там Фрейд написал свои первые научные работы и познакомился с Йозефом Брейером. Следующий корень берет начало во Франции, в парижской клинике Сальпетриер. Там Фрейд, тогда еще молодой врач, работая вместе со знаменитым психиатром Шарко, увидел проявления распространенной тогда болезни – истерии – и познакомился с гипнозом как методом научного исследования и лечения.

В те времена, когда Фрейд увлекался естественными науками, он руководствовался в своих размышлениях медицинской моделью болезни, в которой доминирует причинно-следственный принцип объяснения, а борьба с симптомами ведется путем устранения порождающих их причин; например, чтобы вылечить от туберкулеза, нужно уничтожить туберкулезные бактерии. С другой стороны, Фрейд интересовался литературой и искусством, увлекался археологией и философией, проявлял интерес к самопознанию. Он воспринял и проработал многое из того, что навевал дух времени его молодости, и интегрировал это в свои научные труды, так что сегодня мы не можем определить точное происхождение его идей. Огромное влияние на Фрейда оказали следующие выдающиеся личности:

1) философ, математик и политический писатель Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), создавший учение о монадах. Монады – это мельчайшие духовно-психические единицы, которые под влиянием тела хотя и функционируют очень по-разному, но, в конечном итоге, оказываются неделимыми, как и индивидуум;

2) врач и естествоиспытатель Карл-Густав Карус (1789–1869), который определил, что доступ к бессознательной психической жизни можно получить через чувства и сновидения («Лекции о психологии», 1831);

3) философ Эдуард фон Гартман (1842–1906), написавший трехтомную «Философию бессознательного» (1869);

4) философ и педагог Иоганн Фридрих Герbart (1776–1841), в главном труде которого «Общая метафизика» (1828–1829) описываются «влечения», которые могут вытесняться и находиться «ниже порога сознания».

Следует также назвать Артура Шопенгауэра. Его «воля к жизни» имеет много общего с фрейдовскими «влечениями» и с «Эросом». Ницше был автором знаменитой фразы: «„Я это

сделал“, – говорит моя память. „Я не мог этого сделать“, – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов память уступает». Впоследствии Фрейд назовет это вытеснением.

1.2. Естественно-научные основания

Для создания своей теории Фрейд потребовалась смелость мышления. Интуитивно, но в полном соответствии с господствовавшим тогда естественно-научным мировоззрением и представлениями классической физики, Фрейд дал объяснение (Freud, 1895) истерических симптомов по аналогии с физиологическими процессами, например, в работе «Проект (научной) психологии» (Freud, 1950c). Здесь описывается теория нейронов, затрагиваются проблемы количества и качества, первичных и вторичных процессов, аффектов и желательных состояний, причем для объяснения функционирования психики был опробован биологический подход, в полном соответствии с последовательным естественно-научным мышлением.

Элементы этого раннего наброска теории психики, основанной на положениях физики, мы находим во всех произведениях Фрейда. На его теорию либидо, объясняющую причины, цели и средства влечений, сильное влияние оказал понятийный аппарат естественно-научных дисциплин; таковы понятия «психический аппарат», «разрядка количества напряжения», метафора электрического заряда, «сумма возбуждения», «вложение энергии, нагрузка» (*Besetzung*), «сопротивление» и мн. др.⁶ Поэтому логично видеть в этих научных представлениях психоанализа его естественно-научную сторону с корнями в физике и физиологии. Об этом свидетельствует также «Манифест венских естествоиспытателей», который призывал вступать в *Общество позитивистской философии* и который, наряду с Эрнстом Махом, Альбертом Эйнштейном и Хансом Райхенбахом, подписал также и Зигмунд Фрейд. Позднее эта группа была переименована в *Общество эмпирической философии*.

1.3. Герменевтические основания

Не менее значим в трудах Фрейда герменевтический аспект; борьба за понимание научного предмета, произведения искусства или человека с его проблемами. Если мы хорошо знакомы с жизненной ситуацией какого-нибудь человека, мы можем быстрее понять, о чем он нам рассказывает. Мы можем представить себе, как чувствует себя другой человек, когда жалуется на зубную боль или любовные муки, ведь каждый из нас когда-нибудь испытывал зубную боль или страдал от разочарований в любви. Правда, не всегда это понимание дается так легко. Нам приходится ставить себя на место другого человека, входить в его положение, интенсивно разбираться с его ситуацией, чтобы понять, что его мучает.

⁶ Стрейчи перевел *Besetzung*, *besetzen* на английский как *cathexis*, *cathexed*, и сегодня этот термин так и используется в современных английских текстах. В русских изданиях прежних лет также применялся термин «катексис», «катектированный». На эту тему в психоанализе ведется дискуссия, содержание которой могло бы заполнить целые библиотеки, впрочем, как и обсуждение многих других предложений Стрейчи по переводу. В литературе отражены разные точки зрения на этот термин; я, как и многие другие авторы, склонен понимать фрейдовский термин *Besetzung*, во-первых, как экономический процесс, связанный с энергией влечений (уровень метапсихологии); клинически же Фрейд под этим понятием имел в виду эмоции или генерирование значений, т. е. символизацию: когда мы любим какого-нибудь человека, мы вкладываем в него или в нее либидинозную энергию; можно либидинозно, аффективно наполнить, «нагрузить» музыку, свою страну, стихотворение и т. д. Но понятие *besetzen* гораздо сильнее, чем просто «проявить какое-либо чувство»; скорее оно включает в себя метафорическое, а в тяжелых случаях и непосредственное завладение объектом. То же самое относится и к агрессивным чувствам. Но слово *besetzen* означает также «начать процесс символизации». В работе «Бессознательное» Фрейд пишет, что система предсознательного возникает за счет *Überbesetzung*, «переполнения»; в других местах: только то, что наполнено энергией влечений, приобретает аффективное значение. Здесь слово *Besetzung* почти равнозначно генерированию, выработке значений и тем самым триангуляции, символизации, ментализации, отношению. – Прим. Т. Мюллера.

Вероятно, со своими первыми пациентами Фрейд применял этот метод по большей части бессистемно, пытаясь сделать до того недоступные бессознательные психические процессы доступными как сознанию своих пациентов, так и своему собственному. Он просто давал им выговориться («лечение разговором»), терпеливо выслушивал их и пытался понять, как они себя чувствуют, ощущают, о чем думают и к каким выводам приходят. Кроме естественно-научной части, этот «ствол» психоаналитических научных выводов с самого начала содержит мощную, ярко выраженную философскую «сердцевину», элементы, которые Альфред Лоренцер (Lorenzer, 1970) вместе с Юргеном Хабермасом (Habermas, 1986) позднее назвал «глубинной герменевтикой», так как она, в отличие от традиционной философской герменевтики, целенаправленно выявляет бессознательные процессы в глубинах души.

2. Основатели психоанализа

2.1. Фрейд и Абрахам

Фрейд – основатель психоанализа

Конечно, в психоанализе Фрейд занимает первое место. Он хотел разгадать загадку истерии. С естественно-научной точки зрения, неврологические причины в форме органических повреждений нервной системы можно было исключить. Может быть, причины были в «психической» сфере? Это позволило выйти на новый уровень исследований – психологический, который, правда, вскрыл огромные гносеологические проблемы, так как психические процессы недоступны для прямого наблюдения. Представление о них можно составить только на основе косвенных признаков, аналогично тому, как сделать выводы об электричестве можно лишь опосредованно, через его воздействие.

Но создание психоанализа стало делом не одного только Зигмунда Фрейда. Тем или иным образом в нем участвовали Шарко, Брейер и, прежде всего, Вильгельм Флис. В период с 1887 по 1904 г. Фрейд вел оживленную переписку с Вильгельмом Флисом (Freud, 1985c). В эти годы Фрейд, так сказать, в диалоге со своим другом открыл важнейшие принципы психоанализа: происхождение неврозов, возникновение страха, защитных неврозов, архитектуру истерии, невроза навязчивых состояний и паранойи.

Протоколы «Психологического общества по средам», заседания которого проходили в квартире профессора Фрейда, были изданы в четырех томах Германом Нунбергом и Эрнстом Федерном (Nunberg & Federn, 1976–1981). Они охватывают период с 1906 по 1918 г., в них входят протоколы всех заседаний Венского психоаналитического объединения.

Там были прочитаны доклады, которые до сих пор представляют интерес, например доклад Отто Ранка о драме инцеста, Альфреда Адлера об органической основе неврозов, Вильгельма Штекеля о причинах нервозности, доклады о вышедших новых книгах, о литературе и клинических случаях. «Ессе homo. Как становятся самим собой» Ницше обсуждали так же бурно, как и клинические феномены, психологию марксизма, творчество Генриха фон Клейста и (не в последнюю очередь) предполагаемый вред от мастурбации.

Фрейд представлял свои недавно написанные работы, на которые получал ответную реакцию группы; он детально останавливался на инициативах членов группы. При таком подходе открытия психоанализа не казались исключительно результатом размышлений одного лишь его основателя. Зигмунд Фрейд выступал, скорее, от имени группы коллег с обобщением результатов дискуссий. В группе были и люди с тяжелым характером, но смекалистые и «светлые головы», которые, как Карл Абрахам, Отто Ранк, Альфред Адлер, Эдуард Хичман, Исидор Задгер, Вильгельм Штекель, Фриц Виттельс, примкнули к Зигмунду Фрейду из чистого любопытства. Позднее к ним присоединились Шандор Ференци, а также Людвиг Йекельс, Виктор Тауск, Теодор Райк, Ханс Закс, Герберт Зильберер и Альфред Фрайхер фон Винтерштайн. А еще позднее в обществе появились Лу Андреас-Саломе, Зигфрид Бернфельд, Людвиг Бинсвангер, Хелене Дойч, Отто Фенихель, Германа фон Хуг-Хелльмут, Ганс Лямбль, Карл Ландауэр, Герман Нунберг, Отто Петцль и Эдуардо Вайс, а также некоторые менее известные лица; все они приносили на обсуждение в Психологическое общество по средам свои оригинальные работы.

Чтение протоколов общества дает живое представление о том, насколько активно его участники боролись за правду, насколько научно и строго они вели дискуссии. С Психологи-

ческого общества по средам начинается психоаналитическое движение, призванное сохранять и развивать психоаналитическое учение. Решительность, с которой Фрейд защищал сексуальное происхождение наших желаний, например, в «Толковании сновидений» (Freud, 1900a), стоила ему не одной дружбы. В 1903 г. произошел его разрыв с Вильгельмом Флисом из-за споров о концепции бисексуальности. После «Толкования сновидений» одна за другой вышли «Психопатология обыденной жизни» (Freud, 1901b), основополагающая статья «Психоаналитический метод Фрейда» (Freud, 1904a), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (Freud, 1905c), «О психотерапии» (Freud, 1905a), «Три очерка по теории сексуальности» (Freud, 1905d) – захватывающие и удивительно откровенные работы.

Фрейд был известен широким слоям общественности, хотя отношение к нему было очень разным. Многие медицинские авторитеты не принимали его теории, а другие, например Эйген Блейлер (Цюрих), принимали психоанализ, хотя и с оговорками. Так что у Фрейда были все основания искать новых друзей, и он находил их. Карл Густав Юнг входил в их число, как и Альфред Адлер и Вильгельм Штекель.

Вплоть до сегодняшнего дня не прекращаются нападки на психоанализ, причем по многим причинам: из-за его якобы ненаучности, из-за отсутствия доказательств достигаемых результатов, из-за трудностей в овладении им, из-за его метода, который нелегко подтвердить результатами объективных исследований, из-за «сектантского» характера его организации, но прежде всего, конечно, из-за его неутешительных выводов об истинной природе человека.

Карл Абрахам у истоков психоанализа

Одним из учеников Фрейда, выдвинувшим огромное количество идей и обладавшим богатым клиническим опытом, был Карл Абрахам. В клинической работе с психотическими пациентами он сформулировал первые понятия психоаналитической теории объектных отношений (Abraham, 1924). До этого Абрахам ушел из знаменитой цюрихской клиники Бургхельцли, чтобы начать работу в Берлине, чему способствовал лично Фрейд, – и у этого решения были далеко идущие последствия. Так, в Берлине возникла первая «зародышевая клетка» германского психоанализа. В 1920 г. в культурной атмосфере «бурных двадцатых»⁷ в Веймарской республике открывается первая в мире психоаналитическая поликлиника, деятельность которой живо обсуждается в «Циркулярных письмах» (Fenichel, 1934–1938).

В эту берлинскую группу вошли многие известные психоаналитики. Тот, кто принадлежал к ней, пользовался авторитетом. В 1928 г. были узаконены первые официально признанные директивы психоаналитического образования с тремя учебными блоками: обучающим анализом, теорией и супервизией. Даже Лондон в результате деятельности Джеймса и Алекс Стрейчи оказался под сильным влиянием не только Вены, но и Берлина. Абрахам написал много важных работ по клинике и теории психоанализа; прежде всего, известен его «Очерк развития либидо» (Abraham, 1924). Наряду с Фрейдом именно Абрахам внес существенный вклад в понимание печали и меланхолии, формирования характера, ранних взаимоотношений родителей и детей, сновидений и символов, а также заложил основы психоаналитической этнологии. Все это отражено в двухтомнике избранных сочинений Абрахама, изданном под редакцией профессора Кремеруса (Abraham, 1969).

⁷ Так обычно называют 1920-е годы, для которых характерны социальный, артистический и культурный динамизм. Обычно имеется в виду Северная Америка, хотя сходные явления наблюдались также в Лондоне, Париже и Берлине. – *Прим. ред.*

3. Отступники

3.1. Альфред Адлер

Следует сказать, что жесткие для тогдашнего времени истины о сексуальности неизбежно должны были привести к разногласиям. Ужаснувшись последствиям переноса и контрпереноса, непредвиденным реакциям первой психоаналитической пациентки Анны О., покинул Фрейда Йозеф Брейер, затем отвернулись от Фрейда Альфред Адлер и Вильгельм Штекель. Именно огромная роль, отводимая Фрейдом сексуальности, представляла для его учеников особые проблемы.

Альфред Адлер выдвинул понятие «неполноценного органа», вынуждающего человека компенсировать его «неполноценную» функцию, например, когда ребенок, испытывавший трудности при ходьбе, вырастает и добивается больших спортивных достижений в беге. Да и хорошо известное понятие «чувство неполноценности» тоже сформулировано Альфредом Адлером; такое чувство возникает у ребенка, когда его недостаточно хвалят за достижения. Кроме того, Адлер обращал внимание на возрастную позицию своих пациентов в ряду сиблингов, на особый семейный климат, который способствует или препятствует психическому развитию. Адлер вводит термин «мужской протест» – мужчина ни в коем случае не хочет показаться хлюпиком, «бабой», он вынужден утрировать мужские черты (Adler, 1922, S. 41). Тем самым Адлер составил конкуренцию Фрейду, отвергая его теорию либидо.

Кроме того, Адлера особенно интересовала проблема агрессивного поведения людей – аспект, которому Фрейд в своих ранних работах не придавал большого значения. Возникли споры о приоритете идей, а потом стали сказываться и политические разногласия, так как Адлер был последовательным марксистом. С уходом Адлера психоанализ потерял социально активного и педагогически одаренного приверженца. Но его учение развивалось, правда, уже в качестве самостоятельного направления под названием «индивидуальная психология».

3.2. Вильгельм Штекель

Вильгельм Штекель отличался огромной литературной плодовитостью. Его труд «Расстройства в жизни влечений и аффектов» (Stekel, 1908) состоит из десяти томов. Фрейд был для Штекеля непререкаемым авторитетом, а между тем Фрейд все больше критиковал активную технику Штекеля, который легковесно использовал мало аргументированные интерпретации бессознательных побуждений. Разногласия между их позициями вскоре стали настолько непреодолимыми, что Штекель, вслед за Адлером, был вынужден выйти из Венского психоаналитического общества. Большую роль в созданном Штекелем активном психоанализе играет эффект внезапности. Интерпретации делаются активнее, причем для подхода Штекеля характерна опора непосредственно на интуицию. Штекель твердо придерживался теории эдипова комплекса и неустанно подчеркивал роль бессознательных процессов в возникновении невротических расстройств. Психоаналитическая краткосрочная терапия обязана Штекелю очень многим.

3.3. К. Г. Юнг

Из психоанализа вышла аналитическая психология Карла Густава Юнга. Как свидетельствует обширная переписка между Фрейдом и Юнгом (см.: Sigmund Freud, C. G. Jung: Briefwechsel. Frankfurt/M. Suhrkamp, 1974), их интенсивное сотрудничество продолжалось мно-

гие годы. Фрейд хотел, чтобы Юнг стал его последователем. Но Юнг не соглашался с тезисом о примате сексуальности при объяснении причины неврозов, на котором настаивал Фрейд. Юнг разработал свою собственную теорию либидо, в которой он отошел от положения о первичности сексуальности.

Позднее между Фрейдом и Юнгом возникло соперничество, причем Фрейд, как известно из достоверных источников, в присутствии Юнга дважды терял сознание. Тем самым Фрейд проявил свою неспособность противостоять Юнгу. Но даже если кто-то не согласен с идеями юнговской психологии, уже один объем его трудов и разнообразие обсуждаемых им тем вызывает уважение: психология и патология так называемых оккультных феноменов, диагностика с использованием ассоциаций, психические причины психозов. Интерес Юнга вызывали, прежде всего, архетипы, символы сновидений, психические проблемы современности, реальность души и образы бессознательного. С тех пор влияние К. Г. Юнга в немецкоязычных странах не ослабевает; соответствующие учебные институты находятся в Штутгарте и Цюрихе. В англоязычных странах хорошо известны и Юнг, и Адлер, о чем свидетельствуют многочисленные переводы их работ и издание собрания сочинений Юнга на английском языке. О сходствах и различиях в теориях и методах лечения, присущих классическому психоанализу и аналитической (юнгианской) психологии, прекрасно написал Рольф Фечер (Fetscher, 1978) в книге «Основные направления глубинной психологии З. Фрейда и К. Г. Юнга». Мы приводим схему из этой книги, обобщенно представляющую идеи трех основных школ глубинной психологии.

	Фрейд	Адлер	Юнг
Мышление	Каузальное	Социальное	Финальное
Подход к сновидениям	Редуктивный (решающее значение приобретает латентное содержание)	Финальный	Компенсаторный (отображаются архетипы)
Понимание бессознательных процессов	Индивидуальное бессознательное	Делается акцент на семейном климате, сиблингах	Коллективное бессознательное
Сексуальность	Придается первостепенное значение	Не придается решающего значения	Не придается решающего значения
Агрессивность	Влечение к смерти	Влечение к власти («мужской протест»)	Мало учитывается
Перенос	Очень важен; основа для изменений	Скорее, игнорируется; делается акцент на педагогических элементах	Скорее, игнорируется; ссылка на общие для аналитика и анализанда архетипы

4. Смена акцентов

4.1. Психология Я и учение о защите

С приходом в психоанализ Анны Фрейд и с появлением ее статей и книг в центре интересов психоаналитиков все больше и больше оказывалась та инстанция психики, которая отвечает за проработку конфликтов. Правда, с этим было связано некоторое притупление остроты психоанализа, так как книга дочери Зигмунда Фрейда «Я и механизмы защиты» (опубликованная в 1936 г.) провозглашала уход от влечений, от «непристойной» сексуальности и от «жуткой» агрессивности. В этом контексте нелишне будет напомнить, что Зигмунд Фрейд называл свою дочь Антигоной. Анна Фрейд, Хайнц Хартманн, Эрнст Крис и Рудольф М. Лёвенштейн создали теорию, которая вышла за рамки эпохального сочинения Зигмунда Фрейда «Я и Оно» (Freud, 1923b), в котором он разработал так называемую структурную теорию (Оно, Я и Сверх-Я). Согласно этой теории, Я рассматривается как средоточие страха и орган конфликта с окружающим миром. Энергетический резервуар для таких его функций, как мышление, принятие решений и поступки, происходит из особого источника энергии, непосредственно не связанного с сексуальностью, с которой Зигмунд Фрейд ранее связывал происхождение всей энергии. В те решающие 1930-е годы многие работающие психоаналитики в сотрудничестве с аналитиками, прошедшими предварительную психологическую подготовку, такими как Дэвид Рапапорт, стремились придать психоанализу вид науки о поведении и мотивах людей; это сделано, например, в книге Дэвида Рапапорта «Структура психоаналитической теории» (Rapaport, 1959). Благодаря этому психоанализ приобретал характер академичности, что делало его весьма привлекательным для психологов.

4.2. Шандор Ференци, Микаэл Балинт и Будапештская школа

К основоположникам психоанализа, несомненно, принадлежит Шандор Ференци, известный, прежде всего, своими работами по теории и технике психоанализа, в которых акцент сделан на теорию травмы. В то время как Фрейд, поддерживаемый большинством своих приверженцев (ряды которых постоянно росли), рассматривал теорию влечений, бессознательные желания и фантазии ребенка, в которых участвуют родители и другие значимые лица, как важнейшие силы прогресса и источник расстройств человеческой психики, Ференци никогда не упускал из виду, что выпадает на долю ребенка, оказавшегося жертвой своих родителей. В двух своих поздних работах – «Анализ детства с взрослыми людьми» (Ferenczi, 1931) и «Речевая спутанность в общении взрослого и ребенка» (Ferenczi, 1932) – Ференци сформулировал те положения, из которых возникла Венгерская психоаналитическая школа (Nemes & Verényi, 1999), возродившаяся в США благодаря психологии самости Хайнца Кохута.

Одним из первооткрывателей современной теории объектных отношений был Микаэл Балинт. Многочисленные направления современной теории объектных отношений так или иначе опираются на его работы. В противовес фрейдовским теоретическим концепциям психического развития, опирающимся на влечения и структуру психики, Балинт создает альтернативную модель, ориентирующуюся на объектные отношения. В его концепции прегенитального развития фрейдовская теория первичного, безобъектного нарциссизма замещается концепцией «первичной любви» или «первичных объектных отношений» (Balint, 1966). Балинт разработал свою собственную теорию формирования характера (окнофилия и филоба-

тизм⁸). Критикуя созданные Фрейдом концепции развития влечений и стадий развития за то, что они построены на артефактах ошибочных стилей воспитания (Basal & Newman, 1990), он стал предшественником теории психологии самости; имеется в виду его концепция «базисного дефекта», психических дефицитарных заболеваний самости, возникающих очень рано из-за неправильного отношения окружающих людей. Как и в психологии самости, речь здесь идет о базисном дефекте, точнее, недостатке (basic fault) в отношениях со значимыми лицами, несущими ответственность за ребенка (Balint, 1970). Неизбежным следствием такого недостатка оказывается возникновение у ребенка особого расстройства, которое из-за его раннего появления названо Балинтом базисным дефектом; упрощая, психотерапевты часто говорят о «раннем расстройстве», подразумевая под этим, что из-за отсутствия соответствующего возрасту ребенка внимания родителей у ребенка возникают структурные дефициты; это создает особые проблемы при психоаналитическом лечении, ограничивая возможность анализа и заставляя психоаналитиков прибегать к различным модификациям традиционной техники. В этой связи обязательно следует вспомнить Имре Германа (Hermann, 1993). Говоря о психоанализе как методе он подчеркивал как детерминированность бессознательных процессов, так и специфическую непрерывность психоанализа. Кроме того, отмечая необходимость «поиска смысла», он стал одним из первых аналитиков, выступавших за конструкцию интерпретаций, а не за их реконструкцию. Однако смысл не выдумывается от начала до конца, а раскрывается косвенно через уровень переживаний анализанда, непредвзятость, интерполяцию и экстраполяцию: «Конструкция должна встраиваться в непрерывность хода жизни, она должна рационально дополнять прежнюю мозаичную картину жизни пациента» (Hermann, см.: Nemes & Verényi, 1999, S. 219). В Будапеште возникло и понятие «влечение привязанности», предвосхитившее теорию привязанности. В этом отношении поражает современность идей Лилиан Ротгер (см.: Nemes & Verényi, 1999, S. 253 и далее); так, в противоположность Фрейду, она разрабатывает позитивную точку зрения на женскую идентичность: сексуально возбуждающее воздействие молодой женщины на мужчин – это важное условие для уверенной женской половой идентичности. Кроме Ливии Немеш, Лайоша Секели, Штефана Секач-Шёнберга особой известностью среди психоаналитиков – выходцев из Венгрии пользуется Андре Хайнал (Haunpál, 1989), благодаря своим работам по технике психоанализа (Nemes & Verényi, 1999).

4.3. Эрик Х. Эриксон и теория идентичности

В разработанной Эриком Хомбургером Эриксоном психоаналитической теории идентичности рассматривается еще одна тема. Его теория была изложена в книге «Детство и общество» (Erikson, 1960), вышедшей в 1950 г. на английском и в 1961 г. на немецком языке. Эриксон вклучил в свои рассуждения понятие социального окружения субъекта. Он описывал не только среднестатистическое окружение, как делал еще Хайнц Хартманн (Hartmann, 1964), но и, не будучи марксистом, учитывал господствующий общественный строй и его историческое развитие, как они понимаются в социологии. Эриксон рассматривал такие темы, как американская национальная идентичность, легенда о детстве Гитлера, а также юность Максима Горького, написал две увлекательные (и познавательные в общеобразовательном плане) биографии – молодого Лютера и индийского борца за ненасильственное сопротивление Ганди. Он вынес на обсуждение понятие кризиса и разработал теорию, согласно которой бывают моменты, которые могут стать весьма значимыми в историческом плане, особенно когда история жизни индивида ложится на благоприятный уровень развития общества (Erikson, 1975). Понятие идентичности, введенное Эриксоном, до сих пор оказывает влияние на психоанализ.

⁸ Окнофилия – депрессивная позиция; окнофилы интроективно притягивают объект к себе. Филобатизм – параноидально-шизоидная позиция; филобаты агрессивно и проективно защищаются от объекта. – *Прим. ред.*

4.4. Рене А. Шпиц и ранние отношения «мать – дитя»

Шпиц (Spitz, 1965) был одним из тех пионеров психоаналитической теории развития, которые пытались опираться на эмпирические наблюдения. Свои теории, подкрепленные опытными данными, он изложил в нескольких книгах. Кроме того, Шпица можно считать одним из первых психоаналитиков-теоретиков, обратившимся к аффектам. Шпиц проводил наблюдения в детских домах, где ему стало очевидно, что отсутствие эмоционального общения, даже при оптимальном уходе и удовлетворении всех физических потребностей младенцев и детей ясельного возраста, приводит к тяжелейшим психическим дефектам, таким как маразм, и эти дети могут даже умереть. Шпиц снял в детдомах несколько фильмов и затем, для обоснования собственных выводов, обратился к экспериментам Харлоу (Harlow et al., 1958), которые проводились на детенышах обезьян. Оказалось, что даже у приматов отсутствие эмоционального общения может привести к плачевным результатам. Шпиц разделил психическое развитие людей на отдельные ступени, на каждой из которых действуют соответствующие «психические организаторы». Психические организаторы для Шпица – это не просто проявление новых структур психического развития. Скорее наоборот, с появлением определенного психического организатора прежние разрозненные тенденции развития начинают интегрироваться, приводя к качественному скачку в развитии.

Шпиц разработал положение о четырех видах психических организаторов. Огромную роль на любых ступенях развития играют аффективное взаимодействие и аффективный диалог между младенцем и первичными объектами.

Улыбку, появляющуюся в возрасте 3 месяца, Шпиц считает первым психическим организатором в развитии Я; он называет этот организатор социальной улыбкой.

Второй психический организатор в развитии Я – это тревога и/или страх перед незнакомыми людьми, испытываемые ребенком в возрасте 8 месяцев. Этот признак свидетельствует о начале развития психической, либидинозно нагруженной константности объекта. Хотя новейшие исследования и показали, что кульминация страха перед незнакомыми людьми (а с ней и центральное структурирующее и динамическое значение опыта разлуки и утраты) приходится примерно на вторую половину второго года жизни и что младенец еще до 8-месячного возраста способен различать знакомые и незнакомые лица, теоретические выводы Шпица являются основополагающими для понимания развития Я (см. главу II.4 «Концепция Малера о кризисе повторного воссоединения» и главу IV.2 «Депрессивная позиция, разработанная Кляйн»). Так называемая стадия упрямства («Нет»), а также достижение константности объекта в начале эдипального развития – это два других психических организатора.

4.5. Рональд Фэрберн: подлинная альтернатива теории влечений

Фэрберн сформулировал свои теоретические идеи в 1930–1940-е годы в Шотландии, в стороне от господствующего психоаналитического течения (Beattie, 2003). Долгое время их не принимали. Хотя Фэрберна интенсивно обсуждали англоговорящие аналитики и он оказал большое влияние на кляйнианский психоанализ, его влияние на американский, континентально-европейский и южноамериканский психоанализ начало сказываться только в 1970-е годы. Значение его идей обуславливается, в частности, тем, что свои теоретические выводы он сделал, опираясь на непосредственную клиническую работу, прежде всего с шизоидными личностями. Фэрберн предпринял попытку сформулировать модель психического развития в понятиях интернализированных объектных отношений в противовес классической метапсихологии и фрейдовской теории влечений.

Исходным пунктом для Фэрберна (Fairbairn, 1952) стало представление о том, что либидо – это поиск объекта, а не поиск удовольствия. Согласно его концепции, Я – это структура, состоящая из интернализованных объектных отношений. Первоначальный, самый ранний страх – это страх разлуки с матерью (отделения от матери); потрясение от переживаний, связанных с разлукой с матерью, могут повлечь за собой активацию шизоидных механизмов. При этом два аспекта интернализованного объекта (возбуждающий и фрустрирующий) отщепляются от главного ядра объекта и вытесняются Я. Фэрберн рассматривает шизоидную позицию (используя тот же термин, что и М. Кляйн, но наполняя его другим содержанием) как первую стадию психического развития. Ее признаком является то, что предсознательное/сознательное Я связывается с сознательным/предсознательным, чаще всего идеализированным, внутренним объектом. Отдельно от них связываются между собой бессознательная «антилибидинозная» часть Я с «плохим» «антилибидинозным» объектом, а также еще один бессознательный «либидинозный» аспект Я с возбуждающим «либидинозным» объектом. Эту ситуацию Фэрберн описывает как шизоидную, так как и Я, и объект расщепляются на «хорошие» и «плохие» части.

Фэрберн понимает перенос как реактуализацию интернализованных объектных отношений, в которой одно за другим активируются антилибидинозные и либидинозные объектные отношения. Чтобы воспрепятствовать этому, шизоидные пациенты формируют поверхностные и бессодержательные отношения переноса. Фэрберн исследовал также вторичные последствия этих процессов расщепления и другие вторичные процессы защиты. И защита от агрессивных, и защита от либидинозных зависимых отношений с объектами (причем опыт этих отношений воспринимается как гораздо более угрожающий) представляют собой характерные признаки подобной структуры личности. Эти шизоидные пациенты в свое время на опыте убедились в том, что зависимость сопряжена с разрушительными последствиями в отношениях с первичным объектом. Поэтому они стараются сохранить отношения между своим предсознательным/сознательным Я и спроецированным на аналитика идеальным объектом, в то время как интенсивные и опасные аффективные аспекты отношений, такие как любовь или ненависть, остаются отделенными. Типичные шизоидные паттерны поведения (навязчивость, интеллектуализация и избегание) Фэрберн считал вторичными защитными маневрами этого основного шизоидного процесса. Важно иметь в виду, что Фэрберн понимал эти процессы как активную деятельность Я, а не как дефекты. Агрессия в теории Фэрберна чаще всего рассматривается как реакция на фрустрацию или депривацию, прежде всего в отношениях с первичным объектом. Фэрберн исследовал также истерические расстройства личности и обнаружил в них шизоидные процессы. Идеи Фэрберна были подхвачены Сазерлендом (Sutherland, 1989) и прежде всего Висдомом (Wisdom, 1962) и Кернбергом (Kernberg, 1980).

4.6. Маргарет С. Малер: психологическое рождение

Свою теорию развития Малер создала, работая с тяжелобольными, часто психотическими детьми. Ее идеи во многом созвучны с теорией Эдит Якобсон, они довольно четко определяют этапы дифференциации самости и объектов, а также их интеграции. Теория развития Малер точно устанавливает стадии фиксации и регрессии, которые можно наблюдать в клинической работе с взрослыми и детьми. Кернберг (1980) указывал, что это впервые позволило точно локализовать места фиксации пограничной структуры личности. С точки зрения методики исследований, Малер, как и Фрейд, взяла за модель психопатологию, чтобы, исходя из нее, делать выводы о нормальном развитии. В ее основной работе описан процесс «психологического рождения», состоящий из сепарации и индивидуации. Малер выделяет следующие стадии развития ребенка.

Фаза нормального аутизма, занимающая первые недели жизни ребенка, служит поддержанию состояния гомеостаза, максимально свободного от напряжения. Младенец окружен

защитой от возбуждения (от угрозы разрушительных внешних воздействий), которая предохраняет его от чрезмерных раздражителей. На этой стадии у младенца нет восприятия объекта; лишь постепенно он начинает различать приятные, «только хорошие», и неприятные, «только плохие» состояния. Эта фаза сменяется периодом «симбиоза» (начиная примерно с двухмесячного возраста), когда младенец постепенно догадывается, что удовлетворение его влечений зависит от некоего объекта, существующего вне зоны его аутистического всемогущества (Mahler et al., 1975). Задача этого объекта состоит в том, чтобы помочь младенцу выбраться из аутистической скорлупы. Поэтому младенец крайне зависим от материнской функции, служащей психобиологическим регулятором. Малер называет эту стадию предобъектной. Дифференциация самости и объекта еще не достигнута, вместо этого господствует представление о «двойственном единстве», характеризующемся «сомато-психическим всемогущим слиянием» с объектом. Это двойственное единство младенца и матери как бы окружено «общей совместной мембраной» и длится вплоть до девятого месяца жизни. Оно постепенно разрушается не только под действием имманентных тенденций развития, но и из-за «вступления в игру» третьего объекта – отца, а также неизбежных фрустраций матери.

Далее разворачиваются различные стадии процесса сепарации-индивидуации, собственно «психологическое рождение самости». Сначала происходит первая дифференциация структур Я, прежде всего телесного Я, а также возникают первые репрезентанты самости и объектов. За субфазой «дифференциации» следует вторая субфаза «практики» (длящаяся примерно до полутора лет), когда на первый план выдвигается развитие и испытание моторики, «завоевание мира в приподнятом настроении». На этой стадии все больше ослабляется симбиоз и возрастает независимость от первичного объекта. В третьей субфазе – «кризисе нового воссоединения», которая может продлиться до 3–4-летнего возраста, происходят неоднократные отделения от матери и повторные сближения с ней, характеризующиеся выраженной амбивалентностью. На этой стадии доминирует расщепление репрезентантов самости и объектов, характеризующееся увеличением чувствительности ребенка к своим ограничениям и обидам, в сочетании с сильным страхом утраты объекта, а также страхом отделения от матери, который в ходе развития превращается в страх потери любви. Ребенок осознает свою возрастающую отдаленность от первичного объекта. Один из важнейших шагов на этой фазе – отказ от инфантильного всемогущества и от симбиотического объекта, обеспечивавших большую или меньшую защищенность и хорошее самочувствие на стадии практики. В кризисе нового воссоединения Малер видит одну из главных вех дальнейшего развития. Ведь как только ребенок начинает воспринимать (когнитивно и аффективно) отдаленность от матери, появляется сильный страх, и ребенку требуется поддержка со стороны объектов для дальнейшего развития и стабилизации своего нарциссизма и функций Я. На этой стадии позитивные переживания увязываются с хорошими образами самости и объектов, а негативные – с плохими. Вторая задача этой субфазы состоит в том, чтобы интегрировать нагруженные различными аффектами образы самости и объектов (амбивалентность). В четвертой субфазе – «консолидация объектов» – происходит интернализация и интеграция до этого разобщенных репрезентантов самости и объектов; постепенно наступает стабилизация и закладка фундамента самости, возникает интегрированная структура репрезентантов самости и объектов. Ребенок понимает, что один и тот же объект может дать удовлетворение, а может и отказать в нем. В результате возникает константность объектов и самости (Greenberg & Mitchel, 1983; Bacal & Newman, 1990).

Теория Малер интенсивно обсуждалась не только психоаналитиками, но и представителями смежных дисциплин и оказалась весьма плодотворной в теоретическом, научном и клиническом плане. В клинических научных исследованиях фаза симбиоза и субфаза кризиса нового воссоединения, а также константности объекта до сих пор считаются принципиально важными для понимания определенных аспектов клинической психопатологии. Так, например, была предпринята попытка показать уязвимость определенных мест фиксации на регрес-

сии: фазы аутизма – для определенных форм психотических заболеваний, симбиотической фазы – для других психотических заболеваний, а субфазы воссоединения – для нарциссических и пограничных расстройств личности. Эдипальные конфликты, наоборот, предполагают наличие стабильной идентичности и достижение константности объекта. В последние годы в эмпирических исследованиях младенцев сильно критикуется представление о нормальности аутистической и симбиотической фаз (Dornes, 1993). С клинико-психоаналитической стороны также был задан вопрос, не соответствуют ли описанные Малер фазы аутизма и симбиоза скорее психопатологическим синдромам, чем «нормальным стадиям развития» (Kutter & Müller, 1999). Хотя на взгляды Малер сильное влияние оказала Кляйн, а также Винникотт и Балинт, она защищала прежде всего фрейдовскую концепцию первичного нарциссизма и свои представления об аутистической стадии, корни которых также уходят во фрейдовскую модель.

4.7. Эдит Якобсон: самость и значимые другие

Якобсон (Jacobson, 1964, 1971) считается одной из самых оригинальных женщин-теоретиков в области психоанализа. Ее научные труды включают работы по теории аффектов, по невротической и психотической депрессии, а также по шизофренным психозам. Основной ее труд – изданная в 1964 году книга «Самость и мир объектов», в которой Якобсон представила модель психического развития с позиции психологии Я и теории объектных отношений. Работы Якобсон оказали сильное влияние как на психологию нарциссизма и самости, созданную Кохутом, так и на теорию объектных отношений Кернберга. Одна из революционных идей Якобсон – локализовать некоторые аффекты не в Оно (в качестве репрезентантов влечений во фрейдовской традиции), а в Я – впервые позволила провести различие между аффектами и процессами разрядки напряжения (удовлетворения влечений). Опираясь на свой клинический опыт, Якобсон разработала убедительную схему дифференциальной диагностики невротической и психотической депрессии, а также депрессивных (аффективных) и шизофренных психозов. Ей удалось связать в стройной логичной концепции невротической и психотической депрессии аспекты нарциссизма, агрессии и Сверх-Я, а также строго проанализировать и выявить структуру идеальных объектных отношений. Она считала, что решающую роль для депрессивного развития личности играет страх утраты, а также страх перед агрессией по отношению к жизненно необходимому для самости, но одновременно сильно фрустрирующему объекту. Человек, страдающий депрессией, сначала защищается от этих страхов путем идеализации и идентификации с идеальным объектом. Но если в дальнейшем все хуже и хуже удастся отрицать фрустрирующие и агрессивные аспекты объекта, то следует грубое обесценивание этого идеального объекта и связанных с ним аспектов самости, переходящее в процесс двойной меланхолической (депрессивной) интроекции (Jacobson, 1971). Теория Якобсон объясняет нормальный процесс возникновения и дифференциации репрезентантов самости и объектов вплоть до появления стабильной идентичности, а также ее постепенный, регрессивный распад в случае аффективных и шизофренных психозов. Один из самых главных механизмов здесь – это повторное слияние либидинозно нагруженных репрезентантов самости и объектов как защита от возникшего также под влиянием защитных мотивов повторного слияния с агрессивно нагруженными репрезентантами самости и объектов; этот процесс Якобсон впоследствии определила как психотическую идентификацию (Kernberg, 1980).

5. Современные направления

5.1. Актуальность теории Мелани Кляйн

Кляйн (Klein, 1962) создавала свою теорию на основе наблюдений, сделанных ею в ходе психоаналитических сеансов, том числе и с психотически больными детьми. Ее теория развивает идеи К. Абрахама и представляет собой первую (среди предложенных последователями Фрейда) систематически разработанную теорию интернализированных объектных отношений. Теория Кляйн и по сей день оказывает сильное влияние на теоретическое развитие психоанализа. По мнению М. Кляйн, психическое развитие ребенка проходит через некие «позиции», которые не только представляют собой диахронические ступени развития⁹, как это принято в традиционном классическом психоанализе, но и, кроме того, являются вышестоящими структурами Я и объектных отношений, которые можно найти на всех ступенях развития и в любой психопатологии. Кляйн отличает параноидно-шизоидную позицию (первая половина первого года жизни) от депрессивной позиции (со второй половины первого года жизни), соотнося с каждой из них соответствующие чувства вины, страхи и механизмы защиты.

М. Кляйн делает больший, чем Фрейд, акцент на агрессии как структурообразующем влечении, противопоставляя ее либидо. Как и Фэрберн, она выделяет функцию структурирования психических процессов интернализированными объектными отношениями, а также активностью влечений, усматривая в них решающую мотивационную силу людей. Главное место в кляйнианской теории занимает понятие «бессознательной фантазии»: все импульсы влечений и любая защитная деятельность, а также любое объектное отношение репрезентируются бессознательными фантазиями.

Большое значение М. Кляйн придает первичным аффектам, таким как зависть и жадность, которые восходят к оральной агрессии. Агрессивные компоненты влечений приводят к интернализации «злого объекта», препятствующего интернализации «доброе объекта», на который направлены либидинозные импульсы влечений. Доставляющие удовольствие контакты с приносящими удовлетворение объектами, особенно с «хорошей грудью», приводят к либидинозному (положительному, приносящему удовольствие, основанному на любви) отношению к ним и интроекции. В отличие от других авторов Мелани Кляйн исходит из того, что связанные с объектом положительные и отрицательные аффекты и отношения можно наблюдать с самого начала жизни. Большое внимание Кляйн уделяет также исследованию механизмов защиты, прежде всего расщеплению и проективной идентификации. Базовая тревога Я возникает на основе влечения к агрессии, которое (с точки зрения Кляйн) является проявлением влечения к смерти. Позднее эта тревога превращается в страх перед преследующими объектами, который в результате интроекции становится страхом перед большими внутренними объектами. Таковы типичные параноидно-шизоидные страхи, которые могут появляться на любой ступени развития и иметь различный оттенок в зависимости от структуры и организации влечений (например, оральная тревога – страх быть проглоченным, анальная тревога – страх быть под контролем). Интроекция, проекция, расщепление и проективная идентификация – это защитные действия Я, направленные на то, чтобы справиться с этими параноидными и депрессивными страхами. Кляйн подчеркивает, что в параноидно-шизоидной позиции расщепленными оказываются самость, объекты и влечения, а добрые и злые аспекты держатся отдельно друг от друга. В случае проективной идентификации отщепленные части самости или

⁹ Диахрония – феномен и понятие, обозначающее как наличие каких-то событий в пространстве – времени вообще, так и деление существования объектов и процессов любого рода в интервалах времени между этими событиями. – *Прим. ред.*

какого-либо внутреннего объекта проецируются в другой объект, причем объект этот вынуждают идентифицироваться с этими проекциями, а проецирующая самость одновременно остается эмпативно связанной с этими проекциями. Идеализации и страхи преследования определяют содержания страхов на этой ступени развития.

Следующая важная ступень развития – это депрессивная позиция, отличающаяся все большей способностью к амбивалентным переживаниям, так как ребенок обнаруживает, что испытывает агрессивные чувства по отношению к доброму объекту и наоборот. Затем страх перед преследованием со стороны злого объекта постепенно замещается страхом нанести вред доброму объекту (внутреннему или внешнему). Тогда Я активизирует усилия по исправлению ситуации, чтобы сохранить добрый объект и Я. На этой стадии решающей оказывается способность к зависимости и к благодарности.

5.2. Теория Уилфреда Р. Биона: не менее актуальная

Наиболее известным учеником М. Кляйн был У. Бион, создавший собственную теорию ментальности (Bion, 1962, 1967). Он предположил, что в начале жизни еще не существует «интеллектуального аппарата для „осмысления мыслей“». Самые ранние необработанные данные, получаемые от органов чувств и соматических рецепторов, Бион определял как ничего не значащие бета-элементы, чисто физиологические чувственные восприятия. Если происходит постоянное отвержение младенца со стороны первичных объектов, то в нем преобладают бета-элементы злых объектов, которые должны выталкиваться с помощью проективной идентификации или разряжаться через моторную активность. Эти примитивные сенсорные, аффективные и досимволические когнитивные бета-элементы нуждаются в объекте, который их примет, психически «переварит», т. е. наделит их значением и возвратит назад в дозированной форме. Эту функцию первичного материнского объекта Бион назвал функцией контейнирования, материнский психический мыслительный аппарат – контейнером, а способность матери принимать в себя бета-элементы младенца, символически прорабатывать и дозированной форме возвращать их – альфа-функцией, которая трансформирует бета-элементы в альфа-элементы. Этим Бион указал на центральное значение ранних отношений между матерью и младенцем. Бион также предположил, что коммуникация с использованием бета-элементов типична для параноидно-шизоидной позиции, а коммуникация с помощью альфа-элементов – для депрессивной позиции. Только на этой стадии существует способность к символической репрезентации, т. е. символ и символизируемое отделяются друг от друга. Поэтому в депрессивной позиции тревога, отчаяние и душевная боль могут в глубине души приниматься как аффективная и когнитивная реальность и больше не отрицаются.

С помощью понятия альфа-функции Бион описывает психическую операцию, которая может трансформировать восприятие органами чувств внешних раздражителей и восприятие соматических и близких к ним процессов (перцепции исходных данных, бета-элементы) в альфа-элементы. Потом эти элементы могут обрабатываться дальше до появления психически репрезентируемых, ментализируемых и символизируемых структур и содержаний (апперцепция), которые, сохраняясь в бессознательном и в сознании, соединяются между собой и могут использоваться для первичного и вторичного процессов, для бессознательной фантазии, мышления, вытеснения, для аффектов и сновидений. В отличие от них бета-элементы – это конкретные восприятия, которые не выходят за рамки области перцепции и не могут рефлексироваться или подвергаться апперцепции. Посредством своей способности к «мечтательному» предвидению («Rêverie»¹⁰) первичный объект дает младенцу возможность приобрести опыт,

¹⁰ Буквально: задумчивость; в немецком переводе – *träumerisches Ahnungsvermögen* – дар мечтательного предвидения. Это технический термин, употребляемый Бионом для обозначения состояния спокойствия, ненапряженности, позволяющего матери воспринять, почувствовать проекции своего младенца, идентифицироваться с ними. Это больше, чем предвидение.

позволяющий ему соединить свои врожденные ожидания (преконцепции, т. е. ожидание присутствия груди, удовлетворяющей потребность, и ожидание отсутствия плохой груди) с реальным опытом, получаемым во взаимоотношениях с первичным объектом (например, удовлетворяющее его кормление грудью). Другая важная прекоцепция – это ожидание, что существует некий объект, который принимает личность ребенка с другими элементами его мира.

Бион подчеркивает важный для развития аспект проективной идентификации:

«Как реалистическая деятельность, проективная идентификация представляет собой поведение, сознательно направленное на то, чтобы вызвать у матери чувства, от которых ребенок стремится избавиться. Если ребенок чувствует, что он умирает, то он может вызвать у матери страх, что ее ребенок умирает. Уравновешенная мать может принять это послание и отреагировать на него терапевтически, т. е. таким образом, что ребенок почувствует, что ему возвращают его переполненную тревогой личность, правда, теперь уже в переносимой форме» (Bion, 1963, S. 430).

Вслед за Кляйн Бион рассматривает проективную идентификацию как процесс, включающий сложные действия младенца: будучи одновременно интрапсихическими и межличностными отношениями и сообщениями, они передают неинтегрированные, «непереваренные» до этого психофизические феномены (прекоцепции, энтероцептивное и проприоцептивное восприятие, а также чувственные восприятия, пока еще не имеющие никакого значения), подвергающиеся трансформации вначале со стороны внешнего, а затем внутреннего объекта или психического репрезентанта/структуры. Только таким способом указанные феномены могут интроецироваться, интегрироваться и тем самым психически прорабатываться самостью. Проективная идентификация входит в понятия контейнер – контейнируемое и альфа-функции. Проективная идентификация запускает ментальный процесс, а позже и процесс триангуляции, помогая самости в трансцендировании дуального измерения. Альфа-функция – это такие действия, которые создают метафорически символическое, триангулярное пространство, в котором формируется истинно эдипальное измерение «тройственности».

Ради своего психического выживания младенцу приходится идентифицироваться с этой альфа-функцией, так как в начале жизни «все исходящие от самости впечатления <...> еще равнозначны: все они осознаны». Способность матери к «мечтательному предвидению является органом восприятия того, какие самоощущения ребенок получает от своего сознания» (Bion, 1962, S. 232). Правда, если мать не может принять эту проекцию, «то ребенок чувствует, что его ощущение смертельной опасности лишилось всего присущего ему значения». Из-за «неспособности материнского объекта» у ребенка возникает крайняя беспомощность, приводящая к «разрушению всех смысловых структур и уступающая место дезорганизации Я, которое еще не способно привести в действие те механизмы защиты, которые позволили бы преобразовать невыносимый страх» (Green, 1986, S. 132 и далее). В таких случаях ребенок реинтроецирует не боязнь, которую можно бы было перенести, а «безымянную», не репрезентированную психически, символизированную тревогу (Bion, 1963, S. 432).

В этом случае, чтобы выжить, ребенок вынужден продолжать идентификацию с нарастающей частотой и силой. «Однако это усиление, кажется, несколько меняет предыдущую смысловую окраску проекции» (там же, S. 430). Поэтому если у самости по «парентогенным» и/или «инфантигенным» психическим и/или соматическим причинам не было возможности использовать проективные идентификации и не было опыта контейнирования своих страхов и ужасов, то это неизбежно ведет к нарушению и идентификации, развитию альфа-функции и всего процесса символизации, наделению значением и триангуляции, дифференциации и интегра-

ции самости и объекта. Отсутствие этих возможностей может переживаться так же травматично, как и последствия несостоявшейся проективной идентификации.

Имеется в виду, что травматически воздействовать могут не только первоначально слабая или отсутствующая идентификация с функцией контейнирования матери либо неудачная попытка такой идентификации (образно говоря, дефектный фундамент при строительстве дома), но и последствия такой неудачной попытки (образно говоря, следующие этажи дома). Здесь уместно вспомнить также о патогенных процессах защиты, которые приводят к обострению внутренней ситуации, а также об ограничениях в когнитивном и аффективном функционировании при дальнейшем психическом развитии. Ведь эксцессивная проективная идентификация угрожает самости разрушением из-за процесса опустошения, затрагивающего весь психический аппарат. В таких условиях формирующаяся самость может реагировать на отказы матери скорее отвержением и всемогуществом в смысле Биона (Bion, 1962), особенно когда к тому же накоплен опыт разлук и/или вопиющего насилия над ребенком сексуального и агрессивного характера, «парентификация». В этом случае наблюдается динамическое взаимодействие внутренних и внешних травматических переживаний.

5.3. Дональд Винникотт: третья группа психоаналитиков наряду с Зигмундом Фрейдом и группой Кляйн – Блон

Винникотт (Winnicott, 1933, 1953, 1967) не создал какого-либо сравнимого с теориями Малера и Якобсона учения об этапах и периодизации психического развития ребенка. Он скорее пытался на своем собственном языке, учитывающем субъективные переживания ребенка второго и третьего года жизни, выразить развитие самости на основе ее отношений с объектами. Подход Винникотта стал основой для развития Кохутом психологии нарциссизма и самости, а также для теории объектных отношений. Кроме того, теории британской группы независимых психоаналитиков корнями уходят в идеи Винникотта. По Винникотту, на самой ранней стадии развития ребенок по большей части ощущает свое единение с матерью и для высвобождения из этого состояния предпринимает сложные маневры в своем развитии. Процесс развития приводит к стабильному размежеванию самости и несамости, причем ребенок экзистенциально зависит от «поддерживающего окружения». Решающей оказывается стадия «инфантильного всемогущества», особый вид магического контроля, включая его творческое использование. Объект на этой стадии не отыскивается, а как бы создается инфантильной самостью: мать должна передать ребенку иллюзию, что он сам создал то, что находит и что ему нужно. Таким способом формируются так называемые переходные объекты (кусочек ткани, мягкая игрушка), объекты, которые одновременно переживаются и как относящиеся к самости, и как отделенные от нее. Для психического здоровья необходимо уместное и постепенное освобождение от иллюзий, присущих этой стадии инфантильного всемогущества.

Как пишет Лоре Шахт (Schacht, 2005), Винникотт различает два аспекта самости. В-первых, самость, которая познает себя в межличностном общении, черпает из него жизненные силы и растет, приобретая опыт. Она развивается при достаточно хороших взаимоотношениях матери и ребенка, создавая «иллюзию» безмятежного инфантильного всемогущества на основе общих жизненных переживаний маленького ребенка и матери и приобретая опыт «промежуточного пространства». Отдельно от этого необобщающуюся самость Винникотт определяет как «ложную самость», которая страдает от «разрыва непрерывности бытия». Если, например, злоупотребления со стороны объекта возникают слишком рано, вынуждая ребенка к преждевременному признанию разделения самости и несамости, следствием этого может стать развитие необобщающейся «ложной самости». Такой опыт может переживаться как травматический и раз за разом приводить к психическим состояниям дезинтеграции. «Недостаточно хорошая мать» не способна поддерживать ребенка (holding) и удовлетворять инфантильное всемогущество

младенца, тем самым вынуждая инфантильную самость к форсированной прогрессии (приспособлению к внешней среде) и псевдоадаптации как результату развития «ложной самости». Возникает диссоциация как форма искажения Я, в основе которой лежит расщепление потребностей Я и потребностей Оно. При удачной интеграции, наоборот, требования со стороны Оно постепенно начнут восприниматься как часть самости, а их удовлетворение приведет к укреплению Я, или «истинной самости». Если Я не способно выносить возбуждений Оно, то это может иметь травматический эффект.

Другой важный шаг на пути к созреванию – это развитие объектных отношений от «субъективного объекта» к «переходному объекту» и, наконец, к «использованию объекта». Переходные объекты помогают ребенку поддерживать растущую и развивающуюся внутреннюю реальность, а также отличать эту внутреннюю реальность от мира не-Я. В этом процессе важно, чтобы субъект мог использовать объект, мог даже пытаться разрушить его, но чтобы объект в итоге выдержал это. Винникотт пишет, что объектные отношения самости направлены на субъективный объект, тогда как практическое использование объекта всегда относится к некоему объекту, который является частью внешней реальности.

5.4. Хайнц Кохут и психология самости – четвертый путь наряду с подходами Зигмунда Фрейда, Кляйн и Биона, а также Винникотта

Кохут, который, как и все вышеупомянутые последователи Зигмунда Фрейда, был вынужден эмигрировать, особенно интересовался бессознательными психическими процессами, связанными с нашим чувством собственной значимости, нашими идеальными представлениями о себе, о наших родителях и о мире. По Кохуту, обида, называемая нарциссической, потому что она потрясает нас до глубины души, оскорбления, которым все мы в большей или меньшей степени подвергаемся в детстве, независимо от того, с какими неудачами мы неизбежно сталкиваемся в ходе своего развития, играют настолько важную роль в нашей психической жизни, что самость и ее судьба заслуживают отдельного рассмотрения. Если в своей первой книге (Kohut, 1971) Кохут занимался в основном проблемами лечения пациентов с подобными нарциссическими нарушениями, то в следующей книге (Kohut, 1977) он расширяет свою теорию, назвав ее психологией самости. В центре внимания этой теории – трагическая сторона человеческого существования в свете судьбоносных травм, нанесенных нечуткими родителями, непонимающими спутниками жизни и тяжелыми ударами судьбы, жертвами которых мы стали. По сути в теории Кохута, как и в Венгерской психоаналитической школе от Ференци до Балинта, возрождается старая теория травмы, предложенная психоанализом еще в самом начале его существования. В соответствии с ней пациент рассматривается преимущественно как человек, пострадавший от жестоких ударов судьбы, и потому необходимо создать ему такую атмосферу, в которой он смог бы проникнуться доверием и в которой пережитые им травмы могли бы быть воспроизведены и преодолены.

Несмотря на то, что большинство психоаналитиков обращают на психологию самости мало внимания, она продолжает развиваться (Kutter, 2000). В США ее развитие связано с такими именами, как Эрнест Вольф, Пауль и Анна Орнштейн, а также Йозеф Д. Лихтенберг, в Германии – Лотте Кёлер, Кристель Шёттлер и Янош Паль из Драйайха (Schöttler & Kutter, 2005; Kutter et al., 2006; Hartmann et al., 2007). Недавно образована Европейская федерация психоаналитической психологии самости, которая, наряду с международными конгрессами, проводимыми в Драйайхе, организует конференции и семинары в Мюнхене, Вене и Цюрихе. Публикации В. Мильх (Milch, 2001) и Х.-П. Хартманна (Hartmann, 2000) знакомят ученый мир с психологией самости как направлением психоанализа, в то время как в США на основе психологии самости сформировался новый «интерсубъективный» подход (Stolorow, Brandshaft &

Atwood, 1996). Достаточно полное представление об этом направлении дают вводные работы «Теория и практика психоаналитической психологии самости» Эрнеста Вольфа (Wolf, 1996) и «Учебник по психологии самости» Вольфганга Мильха (Milch, 2001).

Психоаналитическая психология самости, развиваясь вдали от официальных психоаналитических конгрессов и опираясь на работы некоторых выдающихся ученых, разработала собственные теории и методы. В немецкоязычном психоанализе психологию самости пока мало замечают, зато среди практикующих психотерапевтов она нашла широкий отклик; как показывают отчеты о проводимых в Германии экспертизах, возможно, это связано с тем, что теория и практика психологии самости кажутся легкими для понимания и доступными для использования. В кругах психоаналитиков существует много заблуждений, предрассудков и даже анекдотов о психологии самости. Так, говорят, что это уже не теория конфликтов, что психология самости отказалась от бессознательного, что психотерапевт соглашается со всем и даже считает, что хорошо, если пациент совершает самоубийство. Поэтому есть смысл здесь, после упоминания Хайнца Кохута, кратко изложить основы психологии самости; ее теория нарциссизма представлена в главе I.9.2, а ее принципы лечения – в главе IX.6.3. Если обратиться к соответствующей специальной литературе (Kohut, 1977; Köhler, 2000; Kutter, 2000; Ornstein & Ornstein, 2001; Milch, 2001, Wolf, 2000), станет ясно, что психология влечений и конфликтов до сих пор не устарела и не произошло полной смены психоаналитической парадигмы, просто акценты сейчас расставляются по-другому.

Самость – это первичный организатор человека, ее отличает определенное ощущение самого себя, чувства единения с собой, поиска себя, жизни в соответствии со своей сущностью, согласия с самим собой. Таким образом, психология самости продолжает типично западную традицию, сложившуюся еще в эпоху Возрождения, которая, в отличие от Средневековья, когда вера в Бога была для людей определяющей, открыла человека как автономного субъекта. Декарт подкрепил эту точку зрения своим знаменитым «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую»); а наше время высказывание Декарта дополнил Дамасио (Damasio, 1999): «*Sentio, ergo sum*» («Я чувствую, следовательно, я существую») (Kutter, 1978, S. 23). Самосознание приобрело огромное значение. В одних обстоятельствах человек чувствует себя хорошо, в других – плохо, терзаемый внутренними противоречиями, пребывая в отчаянии, выходя из себя, ощущая опустошенность и ничтожность. При этом самость понимается не как монада, а всегда во взаимоотношениях с другими значимыми лицами, кем бы они ни были. Их благожелательное внимание или отвержение имеет решающее значение для развития самости, самосознания. Поэтому представление о человеке в психологии самости, в отличие от классического психоанализа, – это образ человека с ограниченной автономией, всегда в той или иной степени зависящего от благосклонности других людей. «Первичная потребность – это потребность человека как социального существа в единении и взаимодействии с другими людьми» (Ornstein & Ornstein, 2001, S. 277). Из-за базальной зависимости от других людей, необходимости эмпатии, самость в принципе отличается ранимостью. Как следствие таких ран возникают вторичные конфликты, в том числе типичные эдипальные конфликты. По представлениям Фрейда, человек неизбежно оказывается виноватым ввиду своих желаний инцеста и пожеланий смерти, понимаемых как первичные желания. В соответствии же с психологией самости человек попадает в трагические ситуации в результате неизбежных неудач и поражений (Kohut, 1977, S. 120).

Теоретически самость имеет биполярную или даже триполярную структуру, так как включает в себя:

- 1) элементарные потребности или амбиции;
- 2) таланты или способности;
- 3) идеалы, т. е. потребность в признании и уважении.

Между этими тремя полюсами существует напряжение в зависимости от того, насколько их учитывают и удовлетворяют. Если их в достаточной степени развивают, то появляется хорошее настроение, ощущение прочной, гармоничной самости. А если окружающие не уделяют человеку необходимого внимания, получается нестабильная, пустая или фрагментированная самость. Когда самость испытывает слишком сильные нагрузки, говорят о перегруженной, «перестимулированной» самости; соответственно, отсутствие необходимой стимуляции приводит к «недостимулированной» самости (Wolf, 1996, S. 75 и далее; Milch, 2001, S. 293 и далее).

Эмпатия предполагает способность почувствовать то, что переживает другой человек, умение «вчувствоваться» в него (это не сострадание, однако все-таки нужно пытаться почувствовать даже то, что переживает убийца), умение поставить себя на место другого человека с его внутренним миром, настроиться на него, заглянуть вглубь него. Если у самого пациента пока не получается заглянуть вглубь себя, психоаналитик пытается сделать это вместо него (замещающая интроспекция). Условием эмпатии является умение правильно слышать и слушать (Schwaber, 1995). Слушание и эмпатия, в свою очередь, требуют достаточно гибкой аффективной способности к эмоциональному отклику. Это позволяет психоаналитику строить гипотезы о том, как пациент чувствует себя в данный момент, а, кроме того, задавая пациенту вопросы, аналитик может проверить, правильно ли он понял пациента. В этом отношении эмпатия – необходимое условие для психоаналитических действий, одна из принципиальных установок (Kutter et al., 1988, S. 19), которая предшествует по времени любой реакции на перенос в контрпереносе. Уже само наличие такой установки помогает психоаналитику эффективно осуществлять свою деятельность.

Объекты самости принимают на себя функции, обеспечивающие ее благополучие, без которых невозможно самосохранение. И наоборот, самость подыскивает людей, способных играть роль объектов самости. А если таковых не оказывается, тогда эту функцию могут взять на себя природа, искусство, музыка.

Так как качества значимого человека (это могут быть отец, мать, воспитательница или педагог, а в терапии – аналитик или психотерапевт) играют важную роль, то психология самости придает большое значение следующим понятиям:

Оптимальная фрустрация бывает следствием неизбежных ошибок при недостаточной сформированности способности вчувствоваться в других у человека, ухаживающего за ребенком; она оптимальна в том смысле, что все-таки способствует развитию. Правда, в нашем понимании, для достижения этого ухаживающий человек должен осознавать границы своей эмпатии и делать ее предметом обсуждения.

Оптимальная отзывчивость – это способность оптимально реагировать на элементарные потребности объектов самости ребенка или пациента; о ней можно говорить тогда, когда человек, ухаживающий за ребенком или заботящийся о пациенте, наилучшим образом удовлетворяет его актуальные потребности, идет им навстречу, соответствует им. Если такое соответствие достигнуто, то ребенок (или пациент) чувствует, что он в безопасности и что его понимают (Wolf, 2000, S. 63 и далее).

Таким образом, психология самости расставляет акценты иначе, чем это делается в господствующем психоаналитическом подходе. Способности психоаналитиков приобретают неожиданное значение, которое раскрывается в ходе психоаналитического процесса в форме совершенно особых отношений двух людей, участвующих в этом процессе.

5.5. Интерсубъективизм и психоанализ отношений – возможность синтеза?

Как пишет Шмидт-Хеллерау (Schmidt-Hellerau, 2002), растущее значение психоаналитических групп интерперсоналистов, интерсубъективистов и школы психоанализа отношений, представленных в Германии Томэ и Кэхеле (Thomä & Kächele, 2006), а также Альтмейером (Altmeyer & Thomä, 2006), следует понимать, прежде всего, как ответ на механистическую классическую метапсихологию и на хартманновскую психологию Я, а также как дальнейшее развитие кохутовской психологии самости. Кроме того, обнаруживается также влияние философских течений, особенно деконструктивизма, на распространенную в Северной Америке психоаналитическую теорию объектных отношений. При всех существующих различиях общим для этих групп является то, что они особо подчеркивают влияние индивидуальности и субъективности аналитика, его организующую роль в терапевтическом процессе и даже его влияние на бессознательное анализанда, а также взаимодействие между пациентом и аналитиком. Интерсубъективистов, интерперсоналистов и школу психоанализа отношений объединяет категорическое неприятие фрейдовской психологии с ее теорией конфликта и защитных механизмов, кохутовской теории нарциссизма (Kohut, 1971), а также кляйнианской и посткляйнианской теории объектных отношений и психоанализа Кернберга, соединившего положения психологии Я с теорией объектных отношений. Рассматриваемая в данном разделе психоаналитическая группа разработала, исходя из положений М. М. Гилла (Greenberg & Mitchell, 1983), социально-конструктивистскую модель психоаналитической ситуации, в которой внимание направлено не столько на интрапсихические конфликты или проективно-идентификационные процессы, сколько на осознанные интеракционные, интерсубъективные взаимодействия аналитика и анализанда. Акцент делается прежде всего на структурообразующем и даже кумулятивном влиянии теоретических установок, личности и бессознательного психоаналитика на перенос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.